E 86
38

2007059278

ПО ПОВОДУ РАСПРОСТРАНЕНІЯ У НАСЪ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ НА ВСѢ СОСТОЯНІЯ.

Сила вещей и мудрость Державнаго нашего Вождя освобождаютъ, мало по малу, русскую жизнь отъ наростовъ привилегіи, этаго противоисторическаго у насъ и, потому, не соотвѣтственнаго нашему народному духу начала. Распространеніемъ воинской повинности на дворянство нисколько не нарушается его достоинство: эта повинность присуща самому его существованію, такъ какъ дворянство въ русскомъ государствѣ возникло изъ дружины и было въ немъ ничѣмъ инымъ, какъ служилымъ состояніемъ. И надо отдать нашему дворянству справедливость: оно всегда оставалось вѣрнымъ своему историческому призванію. Еще памъ памятно время, когда не служить государству считалось у него дѣломъ постыднымъ, и вовсе не служившій дворянинъ клеймился презрительнымъ прозвищемъ недоросля. Хотя этотъ

взглядъ на служилую повинность измѣнился въ недавнее время, и между нашими молодыми дворянами стало встрѣчаться не мало недорослей, но тѣмъ не менѣе мы теперь видимъ, что дворянское преданіе не утратило у насъ своей силы, и наше дворянство, какъ слышно, вездѣ отзывается вполнѣ сочувственно къ Высочайшей волѣ, выраженной въ Именномъ повелѣніи военному министру отъ 4-го ноября сего года.

Необходимость такого мѣропріятія, помимо исторіи и справедливости, требующей уравненія между всѣми состояніями такого налога, каковъ налогъ крови, вытекаетъ еще изъ того обстоятельства, что съ развитіемъ у насъ всѣхъ отраслей государственной и общественной дѣятельности, такъ называемая гражданская и общественная служба, потребовавъ себѣ лучшихъ народныхъ силъ, стала отвлекать отъ службы военной дворянство, въ которомъ у насъ сосредоточиваются всѣ такія силы, какъ въ единственномъ почти образованномъ классѣ. Это обстоятельство отозвалось очень невыгодно на нашихъ боевыхъ средствахъ и привело къ совершенно правильному требованію возвратить дворянство къ своему историческому призванію, т. е. возстановить для него обязательную воинскую повинность. Необходимость такой мѣры не можетъ не понять каждый здравомыслящій русскій, а потому не можетъ

встрѣтить ее иначе, какъ съ благодарною готовностью исполнить свой долгъ.

Весь вопросъ остается теперь въ примѣненіи новой мѣры такимъ образомъ, чтобы, удовлетворивъ дѣйствительнымъ потребностямъ нашего боеваго устройства, не лишить и нашу гражданскую жизнь тѣхъ двигательныхъ силъ, какія нужны ей для правильнаго хода. Разрѣшеніе вопроса въ этомъ смыслѣ важно особенно въ нашей странѣ, которая не преизобилуетъ образованнымъ элементомъ, а, напротивъ того, въ которой каждый, сколько-нибудь серьезно образованный человѣкъ есть пока еще дорогая находка. При такихъ условіяхъ народнаго развитія, намъ необходимо очень бережно относиться къ элементу, безъ содѣйствія котораго современная жизнь пока не можетъ сдѣлать ни одного шага впередъ.

Воображеніе многихъ, напуганныхъ безпримѣрнымъ пораженіемъ такъ еще недавно грозной Франціи, объясняя это пораженіе ни чѣмъ инымъ, какъ превосходствомъ системы прусской военной организаціи, побуждаетъ ихъ желать такой же системы и для насъ. Забывая, въ испугѣ, что безпримѣрное пораженіе Франціи есть прежде всего слѣдствіе безпримѣрнаго упадка въ ней, отъ правителей и до народа, всѣхъ нравственныхъ началъ, дающихъ силу человѣческому духу, они объясняютъ превосходство прусской системы особенно тѣмъ,

что въ ряды войска призываются всѣ образованные люди, которые возвышаютъ, облагораживаютъ и научаютъ исполненію долга остальныхъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, въ какой мѣрѣ, напримѣръ, тощій, маленькій и не привыкшій, по своему воспитанію, къ трудамъ и лишеніямъ солдатскаго быта профессоръ, лучше для боя выросшаго на трудахъ и лишеніяхъ дюжаго простолюдина, мы позволимъ себѣ, *во-первыхъ*, замѣтить, что для произнесенія *окончательнаго* приговора о прусской военной организаціи слѣдуетъ подождать того времени, когда Германія окончитъ свой первый серьезный *наступательный* опытъ и сведетъ счеты не съ одними своими кассами, но и съ народною жизнью, а, *во-вторыхъ* напомнить, что у каждаго народа и государства имѣются, кромѣ военныхъ, и другіе интересы, другія потребности, жертвуя которыми въ исключительную пользу военнаго дѣла, можно наконецъ дойти до того, что и самое это дѣло останется безъ необходимыхъ средствъ для своего поддержанія. Обращать въ пушечное мясо всѣ лучшія силы народа не есть-ли то же, что жить не на проценты, а на капиталъ?

Прусская воинская система не должна и не можетъ служить образцемъ: она не есть продуктъ нормальной жизни, а создана исключительнымъ положеніемъ страны и, по своему происхожденію, носитъ характеръ мѣры пре-

ходящей, временной, отъ которой сама Пруссія, ежели у нея не помутится отъ успѣховъ голова, должна будетъ отказаться. Что вызвало въ Пруссіи эту крайнюю мѣру? Маленькая держава, но съ чувствомъ историческаго призванія, съ чувствомъ силы и воли стать великимъ народомъ, Пруссія, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, чуть не погибла подъ ударами воинственнаго врага. Очень естественно, что она, и по побужденію самосохраненія и какъ историческій народъ, должна была пріискивать всевозможные способы для обезпеченія какъ своего существованія, такъ и своихъ историческихъ задачъ. При такихъ поводахъ, ни народъ, ни государство не могли отступить ни передъ какими жертвами и должны были поставить военное могущество главнымъ условіемъ бытія. Въ этомъ заключается и причина и оправданіе прусской поголовной военной организаціи,* этой крайней мѣры, способной истощить самый крѣпкій народный организмъ. Теперь, послѣ объединенія Германіи и пріобрѣтенія ею первокласснаго могущества, та-

---

* Въ Пруссіи всѣ поголовно подлежатъ воинской повинности, начиная отъ 17 лѣтъ и оставаясь обязанными къ призыву до 42 лѣтняго возраста. Такимъ образомъ эта повинность охватываетъ весь средній возрастъ, что равняется трети всего мужскаго населенія.

кая система остается безъ причины и оправданія.

Спрашивается: въ такомъ ли положеніи находится Россія, чтобъ прибѣгать къ подобному напряженію всѣхъ своихъ народныхъ силъ? Мы не находимъ у ней ни единаго къ тому побужденія. Разширять предѣлы намъ нѣтъ нужды; всяческаго государственнаго могущества у насъ достаточно; для обороны, кромѣ боевыхъ средствъ, намъ служитъ еще надежнымъ оплотомъ географическое положеніе, съ его пространствами; благодаря же нынѣшней европейской усобицѣ, для коалицій противъ насъ не остается болѣе элементовъ,—не останется, Богъ дастъ, и равныхъ намъ силъ. Стало быть намъ нечего и некого бояться. Изъ чего же намъ усвоивать себѣ систему поголовной воинской повинности, навязанную Пруссіи необходимостью, которой у насъ нѣтъ и тѣни? А между тѣмъ эта система представляетъ такія нравственныя и матеріальныя невыгоды, которыхъ не можетъ искупить никакое государственное преобладаніе, въ смыслѣ грубой силы. Военная поголовная организація обращаетъ всю землю въ воинскій станъ, гдѣ милитаризмъ развиваетъ въ человѣческомъ духѣ такіе инстинкты, которые заглушаютъ въ немъ многія человѣчныя свойства, какъ мы видимъ теперь на нѣмцахъ во Франціи. Въ матеріяльномъ отношеніи воинская поголовная

повинность вредитъ нормальному ходу жизни и, въ данный моментъ, почти вовсе останавливаетъ его. Кромѣ того, всякій избытокъ силы требуетъ себѣ проявленія, и съ тринадцатью милліонами приготовленныхъ къ бою воиновъ, т. е. одной трети мужескаго населенія, какъ въ Пруссіи, намъ быть можетъ трудно было бы оставаться въ покоѣ. А мирный покой есть первое условіе всего нашего будущаго преуспѣянія. Прибавимъ еще къ сказанному, что, вообще говоря, подражаніе рѣдко удается. Одинъ очень умный человѣкъ, недавно въ разговорѣ по этому именно предмету, очень мѣтко сравнилъ подражаніе чужимъ учрежденіямъ съ парою сапоговъ, отлично сшитыхъ, изъ которыхъ, однакожъ, правый сапогъ на лѣвой ногѣ, а лѣвый на правой, не только становятся безобразными, но и положительно портятъ ноги.

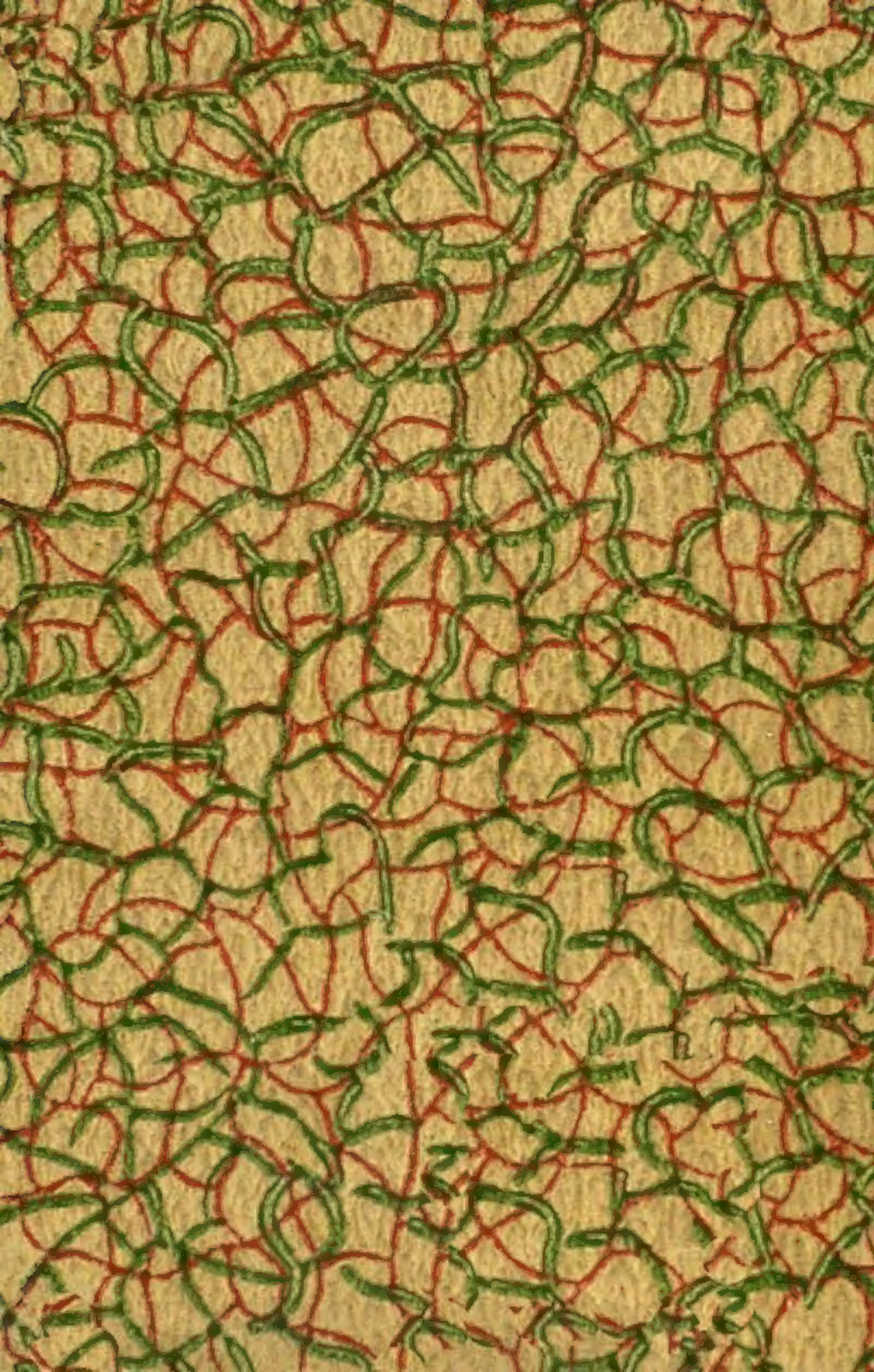
Что-жъ, скажутъ, Россіи не нужно вооруженія, соотвѣтственнаго ея значенію и средствамъ? Нѣтъ, не только нужно, но необходимо, и необходимо даже въ бо̀льшемъ размѣрѣ чѣмъ то, которымъ она теперь располагаетъ, потому что, при всей нашей безопасности отъ внѣшнихъ нападеній, у насъ есть историческія задачи, имѣющія для насъ жизненную важность и для которыхъ нужна преобладающая относительно сила. Но для этого всё-таки нѣтъ намъ нужды готовить къ

бою тринадцать милліоновъ душъ. Для этого было бы достаточно милліона дѣйствующаго войска, да милліона резерва, состоящаго изъ безсрочно-отпускныхъ, и милліона подготовленнаго рекрутскаго запаса,—итого трехъ милліоновъ. Пусть потребовалось бы и болѣе, а всё-таки цифра, признанная нужною для нашихъ боевыхъ силъ, не можетъ дойти до цифры поголовной повинности. Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, замѣнить ее? Указать положительно на самый способъ въ такомъ спеціальномъ вопросѣ, мы, разумѣется, не беремъ на себя; а для примѣра, какъ на возможность его разрѣшенія не по прусскому образцу, укажемъ на жеребьевую систему. Опредѣленіемъ итога боевыхъ силъ, опредѣляется и ежегодный контингентъ для ихъ пополненія. Для составленія такого контингента одинъ возрастъ (во всѣхъ сословіяхъ) всегда представитъ у насъ обильный матеріялъ. Кому изъ этого возраста выпадетъ жребій, тотъ и будь солдатомъ, а всѣ остальные, за пополненіемъ требуемаго числа, пусть остаются навсегда свободными отъ повинности. Каждый годъ подготовляетъ нужный возрастъ и, слѣдовательно, нужный матеріялъ для новаго контингента. Такою системой вооруженія достигаются всѣ желательные результаты: вполнѣ обезпечивается военное могущество страны, устраняется отъ общечеловѣческаго народнаго развитія ми-

литаризмъ и избѣгается та военная кабала, въ которой Пруссія держитъ весь народъ, отъ 17 до 42 лѣтняго возраста, обрекая людей, въ продолженіе 15 лѣтъ и въ лучшей порѣ жизни, на неопредѣленное положеніе, стѣсняющее и нравственно и матеріально свободу ихъ дѣятельности. Воинская повинность есть, безъ всякаго сомнѣнія, самая тяжелая изъ всѣхъ. Безъ крайней необходимости, болѣе чѣмъ несправедливо доводить ее до поголовщины. Пусть ей подвергаются тѣ только, которымъ выпалъ жребій нести ее: зная свою долю, рѣшенную не насиліемъ, а судьбою, человѣкъ покоряется ей, освоивается съ нею и посвящаетъ ей всего себя, безъ оглядки на другіе интересы, хотя бы и болѣе близкіе его сердцу. Это условіе намъ кажется очень важнымъ и для спеціальнаго назначенія боеваго элемента.

Впрочемъ, повторяемъ, на счетъ способа примѣненія мѣры, мы нисколько не думаемъ предрѣшать вопроса. Мы вполнѣ полагаемся на мудрость нашего правительства и въ этомъ, какъ во всѣхъ другимъ вопросахъ. Мы имѣемъ въ виду не *разрѣшителей*, а *ожидающихъ* разрѣшенія, и находимъ полезнымъ тѣмъ изъ нихъ, которые слишкомъ увлекаются прусскою системой, указать на ея недостатки и неудобства, а тѣмъ, которые слишкомъ ея боятся, объяснить, что есть возможность достиг-

нуть требуемой цѣли инымъ, такимъ или другимъ путемъ. Только въ такомъ смыслѣ мы просимъ насъ судить и, если угодно, осуждать.

М. Юзефовичъ.

Дозвол. цензурой. Кіевъ 1870. Декабря 10. Въ универ. тип.